

Российская Академия Наук
Институт философии

ЭТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ

Выпуск 8

Москва
2008

УДК 17.0
ББК 87.7
Э-90

Ответственный редактор

доктор филос. наук, академик *А.А. Гусейнов*

Ученый секретарь

кандидат филос. наук *О.В. Артемьева*

Рецензенты

доктор филос. наук *Б.Н. Кашников*

кандидат филос. наук *П.А. Гаджикурбанова*

Э-90

Этическая мысль. Выпуск 8 [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред. А.А. Гусейнов. — М. : ИФРАН, 2007. — 263 с. ; 20 см. — Библиогр. в примеч. — 500 экз. — ISBN 978-5-518-32198-4

В восьмом выпуске «Этической мысли» представлены результаты исследований по теоретическим, нормативным, историко-философским и прикладным проблемам этики. Среди них — анализ возможностей и пределов применения эпистемологического инструментария в этике; попытка реконструкции логики становления и развития морали; исследование процесса появления понятия «золотое правило»; обсуждение современной дискуссии о месте и роли понятия дара в моральном сознании; анализ утилитаристской, договорной и интуитивистской стратегий обоснования обязанностей перед будущими поколениями и др. В издание также включены тексты, раскрывающие понимание блага и зла в исламской традиции и философии, с предвещающей эти тексты статьей и примечаниями к ним. Историко-этический раздел включает, в частности, анализ различных аспектов этических концепций Р.Прайса, Н.А.Бердяева и Л.Н.Толстого.

ISBN 978-5-518-32198-4

© ИФ РАН, 2007

ТЕОРИЯ МОРАЛИ

Л.В. Максимов

Когнитивный статус этики

К понятию этического знания

Что такое «этическое знание», что оно в себя включает? Принадлежат ли вообще те вербализованные духовные построения, которые традиционно объемлются термином «этика» (или какая-то часть этих построений), к категории знания, т.е. являются ли они идеальными моделями — образами, описаниями, объяснениями — тех или иных реалий?

Этот вопрос, интенсивно обсуждаемый на протяжении последнего столетия в западной аналитической этике, остается практически не замеченным за ее пределами, т.е. в русле прочих методологических парадигм; во всяком случае, философы, не принадлежащие к аналитической школе, не усматривают здесь никакой реальной *проблемы*, значимой для этики. Тем не менее и эти философы на названный вопрос фактически дают вполне определенный, кажущийся им самоочевидным ответ (не концептуальный, не акцентируемый специально, но легко вычленимый из контекста их работ): разумеется, этика, как и другие гуманитарные дисциплины, является отраслью знания, или познания. Само это словосочетание — «этическое знание» — часто употребляется в философско-этической литературе в качестве синонима этики вообще или для обозначения каких-либо конкретных работ в этой области. В самом деле, какими еще родовыми понятиями, кроме «знания», можно охватить все многообразие интеллектуальной продукции, выдаваемой «любителями мудрости» в ходе рассуждений на этические — как и любые другие — темы? Можно спорить (и таких споров было

немало) о специфике разных *видов знания*: спекулятивно-метафизического и опытного, врожденного и благоприобретенного, гуманитарного и естественнонаучного, фундаментального и прикладного, нормативного и дескриптивного, «знания о должном» и «знания о сущем» и пр., но можно ли сомневаться во всецело когнитивном статусе духовной деятельности и ее результатов, отлитых в рационально-понятийные формы?

Даже в аналитической этике, где и была поставлена рассматриваемая здесь проблема о возможности «этического знания», большинство авторов также склоняются к когнитивистскому ее решению, т.е. квалифицируют этические (как и отождествляемые с ними моральные) высказывания как «знания». В последние годы в русле аналитической этики сложилась особая методологическая дисциплина — «эпистемология морали», специально посвященная исследованию когнитивных аспектов этических (или моральных) высказываний и рассуждений, и прежде всего самого понятия этического (морального) «знания». В статье на эту тему, помещенной в англоязычной философской интернет-энциклопедии, предмет или, точнее, основная проблема указанной дисциплины вкратце обрисована следующим образом: «...Можем ли мы каким-то образом знать (*know*) или, по крайней мере, иметь некоторое основание полагать (*some justification for believing*), является ли нечто морально правильным или неправильным, справедливым или несправедливым, добродетельным или порочным, возвышенным или низменным, хорошим или плохим? Поскольку мы постоянно высказываем моральные суждения, то, очевидно, мы склонны именно так и считать. Но как возможно такое знание или обоснование? Ведь мы не просто постигаем (*perceive*) моральную истину — подобно тому, как мы постигаем ту истину, что перед нами находится экран компьютера. И, по-видимому, мы не просто понимаем ее, как мы понимаем то, что все петухи — мужского пола. И, очевидно, мы не просто чувствуем ее, как мы чувствуем голод... Эту проблему [морального] знания и обоснования исследует эпистемология морали»¹.

Основное назначение этих исследований состоит в экспликации недостаточно рефлексированных (хотя и прочно укоренившихся в моральной философии) представлений о познавательных

---

¹ Tramel P. Moral Epistemology // *Internet Encyclopedia of Philosophy*. URL = <http://www.iep.utm.edu/m/mor-epis.htm>, 2004.

механизмах морального сознания. Другими словами, эпистемология морали выявляет и уточняет ряд «латентных» вопросов, которые фактически (зачастую не сознавая этого) имеют в виду и на которые дают те или иные ответы философы разных направлений. Самый общий и принципиальный из «теоретических» вопросов таков: применимы ли непосредственно к моральному знанию типовые категориальные оппозиции традиционной эпистемологии: истина и ложь (заблуждение), знание абсолютное и относительное, спекулятивное и эмпирическое, априорное и апостериорное, рациональное и чувственно-образное, научное и обыденное и пр., или же для характеристики морального знания — с учетом его своеобразия — следует использовать другой понятийный аппарат и иные подходы? Принятие первой из указанных альтернатив ограничивает эпистемологию морали в основном ретроспективной систематизацией, упорядочением известных философско-этических концепций. Вопрос о природе морального знания по сути выпадает из этого контекста. Вторая альтернатива, напротив, ориентирует эпистемологические исследования в этой области прежде всего на выяснение специфических признаков морального познания, а поскольку в этической традиции эта тема почти не представлена², задача ее разработки весьма актуальна для современной эпистемологии морали. Следует, однако, заметить, что несмотря на обилие работ, в которых моральное знание трактуется с применением новой терминологии, заимствованной из символической логики и модных методологических и идейных течений — структурализма, синергетики, постмодернизма и пр., в целом вопрос о природе и специфике морального знания остается до сих пор без сколько-нибудь внятного ответа.

Эпистемологию морали как новую область исследований интересует прежде всего природа морального знания и способы его получения; позиция же философов, высказывающих принципиальное сомнение в том, вправе ли мы вообще относить моральные оценки и нормы к разряду знаний, просто упоминается в работах по эпистемологии морали как частная точ-

---

² Обычно в связи с этим упоминаются аристотелевский «практический силлогизм», кантовский «практический разум» и идея некоторых английских сентименталистов XVIII в. об особом «моральном чувстве» как инструменте «морального познания».

ка зрения, представленная одним из течений аналитической этики — некогнитивизмом. Таким образом, современная этическая мысль, включая и ее аналитико-философскую ветвь, ориентирована на традиционно господствующую в гуманитарии когнитивистскую парадигму, трактующую духовную реальность в целом и во всех ее проявлениях (в том числе ценностные формы сознания) как виды знания³. Поэтому можно утверждать, что за обычным, употребляемым без специальной рефлексии выражением «этическое знание» (знание о морали, о добре и зле и пр.) скрывается в действительности целостная система мировоззрения и методологических принципов, определяющих постановку и способ решения многообразных проблем этики.

Приведу небольшую иллюстрацию к сказанному.

В одном из нечастых на нашем телевидении философских диспутов видный отечественный специалист по науковедению высказал простую и не вызвавшую возражений у участников дискуссии мысль о том, что главная задача всей философии сводится, по существу, к поиску ответа на вопрос, непосредственно относящийся к ведению этики: «Что такое справедливость?». Очевидно, за этим пассажем, не претендующем на концептуальную строгость и вместе с тем принимаемым без протеста гуманитарным сознанием, стоят определенные мировоззренческие послышки.

Прежде всего, высказанную мысль можно считать отголоском классической идеи о том, что этика как «практическая философия» венчает собой все человеческое знание о мире, Боге и самом человеке, т.е. является завершением всей системы знания, его прикладной ипостасью и выводом. Но независимо от того, насколько обоснованно это представление об исключительном месте и роли этики и действительно ли оно повлияло на приведенную формулировку «главной задачи» философии, можно констатировать, что этика в контексте приведенного выше утверждения понимается как часть человеческого *знания*, как философская *наука* о добре, долге, справедливости, смысле жизни и пр. В самом деле, формулируя указанный вопрос о природе спра-

³ См. об этом: *Максимов Л.В.* Когнитивизм как парадигма гуманитарно-философской мысли. М., 2003; *он же.* Когнитивный редукционизм в «науках о духе» // Современный когнитивный подход: философия и когнитивные науки / Под ред. В.А.Лекторского. М., 2006.

ведливости, философ-наукоед явно исходил из предположения о принципиальной возможности и необходимости выяснить, *познать*, что есть «справедливость сама по себе», т.е. что является «объективно справедливым», — в отличие от того, что именно разные люди (группы, индивиды, ученые) *понимают* под «справедливостью». Другими словами, вопрос о справедливости помещен здесь в старинную эпистемологическую схему «мнение — знание», и если эксплицитировать и вербализовать скрытые и свернутые методологические посылки рассматриваемого тезиса о конечной цели философских изысканий, то получится примерно такое рассуждение: никто пока еще *не знает* достоверно, что такое «справедливость», существуют лишь разные, зачастую противоречащие друг другу, *мнения* (точки зрения, концепции, теории) на этот счет; отсутствие точного, доказательного, истинного знания приводит к тому, что люди руководствуются ложными или искаженными представлениями о справедливости, а это является, по меньшей мере, одной из причин социальных неурядиц; поэтому если философия сможет получить искомое знание и довести его до сознания людей, то тем самым будет создана предпосылка для торжества подлинной справедливости; вот почему такую задачу следует считать важнейшей для философии.

Таким образом, господствующая когнитивистская парадигма побуждает гуманитарно-философскую мысль трактовать природу, происхождение, формирование, распространение и механизмы практической реализации ценностных (моральных и других) ориентиров преимущественно в системе эпистемологических, а не каузально-детерминистических — биологических, психологических, социальных — понятий и представлений. Неэффективность нонкогнитивистской критики указанной парадигмы и ее следствий объясняется в значительной мере тем, что ключевое в контексте данного противостояния парадигм понятие «знание» было и остается весьма многозначным и размытым, причем не только в обыденном сознании и естественном языке, но и в философском лексиконе. Действительно, когда нонкогнитивисты заявляют, что моральные высказывания не являются «знаниями», они вкладывают в этот последний термин хотя и достаточно распространенное, но вместе с тем весьма узкое, специфическое значение: «когнитивными», т.е. относящимися к сфере знания, при-

знаются те высказывания, которые в принципе поверяемы на истинность — ложность, и, соответственно, те термины, которым соответствует некоторый объект (денотат). Поскольку же в реальном словоупотреблении «знание» имеет гораздо более широкий спектр значений, старания нонкогнитивистов вывести ценностные (главным образом моральные) феномены из-под общей крыши «знания» и тем самым освободить их исследование от чрезмерной методологической опеки со стороны эпистемологии и науковедения остаются малорезультативными. Между тем методология гуманитарных дисциплин, объектом либо составной частью которых являются ценности, нуждается в разработке и уточнении понятия «непознавательное» (или «внепознавательное»), охватывающего ту сторону человеческой духовности, которая органична для ценностей и которая не может быть адекватно описана и объяснена в терминах теории познания.

Для того чтобы ответить на поставленный в начале статьи вопрос, что есть «этическое знание» и каков его состав, необходимо предварительно эксплицировать понятие *знания вообще*, причем сделать это через противопоставление его «внепознавательным» элементам субъективной реальности, с тем чтобы выявить специфику этического знания по отношению не только к другим видам знания, но и к тем частям этики как философской дисциплины, которые не вписываются в ее исключительно когнитивную (познавательную) трактовку.

«Знание»: проблема дефиниции

Слово «знание» долгое время получало свои явно формулируемые определения в основном в неспециализированных толковых словарях, и лишь эпизодически — в философских изданиях справочного характера, и только в последние десятилетия (по-видимому, в связи с бурным развитием когнитивных наук и разработкой соответствующих методологических подходов) оно прочно утвердилось в статусе особого философского термина, нуждающегося в более детальных и точных дефинициях. Правда, некоторые из дефиниций, предлагаемых в отечественных философских энциклопедиях и словарях, вряд ли можно считать достаточно строгими в логическом смысле. Так, в одном из словарей «знание» определяет-

ся через «информацию», тогда как «информация» в том же словаре описывается, в свою очередь, через «знание»⁴. В другом источнике «знание» определяется как «результат процесса познания», «познание» же (в соответствующей статье той же работы) обозначается как «процесс получения знаний»⁵. Следовательно, в этих определениях имеет место так называемый «порочный круг».

Однако большинство представленных в литературе определений свободны от подобных логических ошибок. Вообще, любые дефиниции знания — и это вполне оправданно — фактически отталкиваются от стихийно сложившихся как в естественном языке, так и в специализированных языках философии и науки значений этого слова. Таких значений довольно много, но их можно свести — если пренебречь некоторыми нюансами — к трем основным типам.

(1) В узком смысле слово «знание» обозначает объективно-истинное и обоснованное (причем осознаваемое субъектом в качестве такового) представление о чем-либо; т.е. знание — это «соответствующее реальному положению дел, оправданное фактами и рациональными аргументами убеждение субъекта»⁶. Иначе говоря, к «знанию» здесь причисляются только те моделирующие реальность когнитивные формы, которые характеризуются дополнительно признаками «рефлексии», «понимания», «рациональной обоснованности» и пр. и которые противоплагаются иному — тоже когнитивным — реалиям, не обладающим указанными признаками. В подобных определениях акцентируется особое ментальное состояние, характерное именно для «знания» в отличие от «мнения», «веры», «сомнения», «заблуждения», «воображения», «фантазии», простой «информации» и пр.

⁴ См.: Новейший философский словарь / Сост. А.А. Грицанов. Минск, 1998. С. 247, 274.

⁵ См.: Философия: Энцикл. словарь / Под ред. А.А. Ивина. М., 2004. С. 285, 658.

⁶ Обсуждаем статью «Знание» // Эпистемология и философия науки: Научно-теорет. журн. по общ. методологии науки, теории познания и когнитив. наукам. М., 2004. Т. 1. № 1. С. 135. Подобное же, но более детализированное и формализованное определение знания, имеющее хождение в трудах философов-аналитиков, выглядит так: «S знает, что P, если и только если: (i) P истинно; (ii) S убежден в том, что P; (iii) S имеет все основания быть убежденным в том, что P» (*Гемтнер Э.* Является ли знание истинное и обоснованное мнение? // Аналитическая философия: Становление и развитие (антология). М., 1998. С. 231. О проблемах определения знания и спорах по этому поводу (главным образом, в аналитической философии XX в.) см. также: *Микешина Л.А.* Философия познания. Полемиические главы. М., 2002. С. 269 и далее.

(2) Знание, трактуемое в более широком смысле, включает любые идеальные модели, репрезентирующие реальные или воображаемые объекты; т.е. родовым признаком знания выступает здесь именно (и только) наличие «репрезентации» чего-либо в человеческом духе, видами же его (в зависимости от принятого основания классификации) могут быть, например, чувственные образы и абстрактные формулы, эмпирия и теория, наука и метафизика и т.д. Понятое так «знание» в последние десятилетия в философской и психологической литературе (особенно англоязычной) обычно обозначают термином «когнитивное» (англ. *cognition, cognitive*), поскольку этот латинский по происхождению термин хотя и синонимичен в целом «знанию» и «познанию» в родном для разных современных языков словесном облачении (англ. *knowledge*, нем. *Erkenntnis, Wissen* и др.), однако не несет в себе признака «рефлектированной истинности» и потому употребляется достаточно свободно, охватывая более значительный, нежели в первом варианте, круг духовных феноменов, репрезентирующих реальность. Следует, правда, отметить, что фактическое выполнение термином «когнитивное» указанной инструментальной функции в философии и науке не подкреплено специальными дефинициями ни в отечественных, ни в зарубежных словарях и энциклопедиях; тем не менее значение этого термина, как правило, ясно вырисовывается в контексте его употребления в философских и научных трудах.

(3) Наконец, существует еще один подход к определению знания, явно или неявно основанный на витгенштейновском принципе «семейного сходства». Витгенштейн обратил внимание на то, что в естественном языке один и тот же термин может иметь множество разных применений, т.е. обозначать разные реалии, образующие в совокупности некоторую общность, «семью», члены которой взаимосвязаны лишь перекрестным образом: между отдельными индивидами и группами, составляющими эту семью, имеются подобия, сходства, но отсутствует общий для всех них родовой признак. (Например, существуют разные игры, их можно описывать, отмечать сходство между теми или иными из них, однако не существует некоей «субстанции игры» и, следовательно, невозможно дать определения «игры вообще», как таковой)⁷. «Поздний» Витгенштейн,

⁷ См.: Витгенштейн Л. Философские исследования // Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. I. М., 1994. С. 110–114.